

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАРОДНОГО УЧИТЕЛЬСТВА
СТРАН ЗАПАДА И БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

Острога Валентина Михайловна
доцент кафедры истории Беларуси и политологии
учреждения образования «Белорусский государственный
технологический университет»;
кандидат исторических наук, доцент
(г. Минск, Республика Беларусь)

На основе анализа материалов педагогической журналистики рассматривается правовое положение сельских учителей западных стран и белорусских губерний России. Показана деятельность центральных и местных органов власти в формировании социального статуса педагогической интеллигенции.

«Учитель – не чиновник, не ремесленник, не машина, а художник», поэтому, как считали современники, ему должна предоставляться всевозможно полная свобода в деле воспитания и преподавания. «Его творчество не должно втягиваться в подчас до смешного узкие рамки, где все предусмотрено, взвешено, предопределено». Поэтому свободным художником он будет лишь при «полной своей независимости служебно-материальной и духовно-нравственной». Учащиеся и их родители не могли уважать педагогический персонал, «гибнущий от нищеты и забитости». Тяжелое материальное положение, систематическое голодание, «зависимость от всех и каждого, полный, бесконтрольный произвол всех, хотя бы микроскопическую власть имеющих... быстро охлаждали рвение тех немногочисленных идеалистов и идеалисток, которые в юности мечтали принести посильную пользу народу и посвящали себя тернистому пути учительства» [2, с. 20]. В этой связи научный интерес представляет правовой статус сельских учителей различных стран второй половины XIX – начала XX в., а также мотивация их педагогической деятельности.

В Пруссии деятельность школьной администрации была построена на началах централизации. Она включала 4 степени: 1. низшая – школьный комитет в селах и школьная депутация в

городах; 2. окружной инспектор; 3. правительственный инспектор; 4. министерство народного просвещения. Власть школьных комитетов была незначительна и ограничивалась только материальной стороной дела. Каждая школа имела в лице пастора своего инспектора, который следил за ходом учебно-воспитательного процесса.

Учитель считался правительственным чиновником. Его деятельность регулировалась подробными инструкциями и предписаниями, которые исполнялись «с полной точностью». Да и сами эти нормативно-правовые акты имели большое значение для защиты от притязаний населения и начальства, давали учителю основание для предъявления требований к местной общине (например, по снабжению школы необходимыми пособиями и др.). Так как в Германии «господствовали право, а не произвол», инструкции служили не только «средством для нападения (когда это выгодно), но и средством защиты». Вышестоящее начальство отличалось и знанием дела, и высокой культурой, поэтому учитель был «застрахован от налета какого-нибудь ревизора», некомпетентного и не знающего законов. Вместе с тем, к учителю могли применяться и «карательные меры» со стороны школьной власти всех уровней (местной, провинциальной и центральной): замечание, выговор, дисциплинарное наказание, временное отстранение от должности или увольнение.

Программы для школ (например, Баварии) предоставлялись в виде кратких основных положений или заданий по предметам и годам обучения. Выполнение программы, отбор материала и дополнительной литературы с целью расширения познаний учащихся по данному предмету зависели непосредственно от учителя. Следует также отметить, что и программы разрабатывались при участии учителей: на общих педагогических съездах каждый делегат имел право выступить и внести свои предложения. В обязательном порядке 2 раза в год проводились съезды всех «учащих» (не считая 4 дополнительных конференций для начинающих). Участие в таких мероприятиях было необязательным для педагогов с 30-летним стажем или имеющих возраст свыше 50 лет. Кроме обсуждения учебно-методических вопросов, инспекторы знакомили присутствующих с новыми нормативно-правовыми актами в сфере образования.

Учителя также имели право на организацию обществ (союзов) и участие в них. В 1871 г. был создан Немецкий учительский союз. К моменту своего 40-летия в 1911 г. число его членов превышало 120 тыс. чел., распределявшихся по 2916 отделениям союза. В начале XX в. союз располагал почти 50 печатными изданиями, большинство из которых – еженедельники [7, с. 15]. Учитель мог участвовать в работе местных органов самоуправления, «возвышать свой голос открыто в прессе», имел большое влияние при выборах в баварский ландтаг [6, с. 509, 511].

Существовали также некоторые правила, определявшие и личную жизнь немецких «учащих». Например, помощник учителя и младший учитель могли жениться только в том случае, если они имели капитал и имущество, которые давали доход, равный разнице между их и учительским жалованием. Учительницы не имели права выходить замуж. В своей жизни они должны были «стоять выше всяких подозрений в предосудительном поведении», иначе им грозило увольнение.

Народным учителям во Франции строго воспрещалось заниматься политикой и вмешиваться в борьбу партий. Но в своей педагогической деятельности педагоги не были подвержены вмешательству «посторонних властей» и всегда могли рассчитывать на защиту учебного ведомства. Французский учитель состоял на государственной службе (молодой преподаватель поступал в распоряжение министра просвещения). Его назначение, вознаграждение, условия труда и обязанности определялись государством, а не местной властью [4, с. 247].

В Австро-Венгрии закон защищал права народного учителя: они не могли быть уволены с занимаемой должности без суда и следствия (специальная резолюция должна была исходить от министра народного просвещения). Поэтому увольнение практиковалось крайне редко, да и на это нужны были весомые причины. Существовавшая правовая база определяла учителя в качестве члена местного училищного Совета или попечительства. Педагог мог исполнять обязанности депутата в парламенте, члена городского или общинного Совета, члена церковно-приходского общества и обязанности эксперта. Вместе с тем, было ограничено участие в политике, запрещалось

исполнять обязанности редактора политического журнала, а также служить в различных финансовых учреждениях. Дополнительные занятия на платной основе учитель мог проводить лишь с разрешения учебного начальства и в свободное время. Единственная должность, которая была совместима с его непосредственными обязанностями и разрешалась министерством, это должность регента в местной церкви [5, с. 62].

Современники отмечали, что в США профессия учителя, по сравнению с другими видами деятельности, не пользовалась должным почетом и уважением. Три четверти учительства составляли женщины. Характерной чертой американской системы образования было непостоянство, частые увольнения и перемещения учителей. Работая в начальных школах, они выполняли обязанности рассыльного при суде, заботились о созыве суда, в церкви пели на клиросе и читали псалтырь, преподавали в воскресной школе, звонили в колокол для созыва общественных собраний, заботились о школе, а также выполняли иные случайные обязанности. Положение педагогов больше зависело от «личных качеств и способностей, чем от законного признания и общественной роли» [3, с. 78].

В рассматриваемый период «учащие» царской России по своему социальному статусу имели права чиновников 14 класса. После приобретения учительского звания и определения на должность они пользовались установленными правами и преимуществами, которые предоставляла учительская служба. Учителя, вышедшие из податного сословия, освобождались от телесных наказаний, от всех натуральных повинностей, исключались из оклада подушных сборов (подлежали исключению из оклада и имевшие звание домашних наставниц или учительниц) и имели права на получение бессрочных паспортных книжек от учебного начальства. Кроме этого, учителя за успешное исполнение в течение 12 лет своих обязанностей по представлению Министерства Народного Просвещения получали звание личного почетного гражданина. Все учителя освобождались от действительной военной службы и зачислялись в запас, но при этом должны были послужить в своей должности не менее 5 лет. До выслуги этого срока они могли поступать для продолжения образования только в педагогические учебные заведения. «За 10-летнюю беспорочную и усердную службу» по представлению учебного начальства имели право на награждение серебряной медалью на Александровской ленте с надписью «За усердие». Сельские учителя освобождались от платы за обучение детей в министерских мужских гимназиях и прогимназиях (если занимали должности народных учителей в этом ведомстве), а также от внесения в списки присяжных заседателей и исполнения этих обязанностей [1, с. 125]. Вместе с тем, личность учителя находилась под строгим контролем со стороны дирекций, инспекций, местной полиции, священников, членов волостных правлений. На практике формировались два типа учителя: слуги власти и опоры консервативной идеологии, и нового, относительно независимого человека с передовыми социально-политическими и педагогическими взглядами.

Таким образом, нормативно-правовая база каждого государства в сфере просвещения находилась в стадии формирования. В педагогической прессе описывались случаи произвола и неопределенности, которые делали профессию народного учителя «весьма шаткою и непривлекательною», снижали престиж и мотивацию к занятию должности учителя. Изданные в течение рассматриваемого периода законы, указы, циркуляры, распоряжения, положения и другие акты определяли границы возможных и должных обязанностей, общих для преподавателей начальных школ, их правовой статус. Создавалась система правовых отношений при назначении учителей на работу, перемещении, выборах в органы управления, разрабатывались вопросы педагогического образования и материального обеспечения.

Список использованной литературы

1. Вессель, Н. Обеспечение и правовое положение сельского учителя / Н. Вессель // Русская школа. – 1892. – № 11. – С. 123–126.
2. Генкель, Г. Народное образование на Западе и у нас / Г. Генкель. – СПб. : Брокгауз-Ерон, 1911. – 153 с.
3. Новейшие педагогические течения на Западе // Русская школа. – 1917. – № 9–12. – С. 74–92.
4. Михайловский, Я. Т. Очерк современного состояния заграничной народной школы / Я. Т. Михайловский. – СПб. : Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1881. – 251 с.

5. Страхова, М. Народный учитель в Венгрии / М. Страхова // Русская школа. – 1902. – № 5. – С. 59–67.
6. Обухов, А. Подготовка, положение и условия работы сельского учителя в Баварии / А. Обухов // Педагогический листок. – 1913. – Кн. 7. – С. 489–512.
7. Фармаковский, В. Немецкий учительский союз за сорок лет / В. Фармаковский // Русская школа. – 1912. – № 3. – С. 7–19.